

П. П. Семенов

Живописная Россия

**Отечество наше в его земельном, историческом,
племенном, экономическом и бытовом значении.
Том 5, Малороссия и Новороссия. Часть 2**

УДК 304
ББК 60.5
С30

С30 **Семенов П.П.**
Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Том 5, Малороссия и Новороссия. Часть 2 / П. П. Семенов – М.: Книга по Требованию, 2013. – 314 с.

ISBN 978-5-518-03779-3

ISBN 978-5-518-03779-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОЧЕРКЪ I.

СЛѢДЫ ДРЕВНЕ-ГРЕЧЕСКИХЪ ПОСЕЛЕНІЙ И АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ НА ЮГѢ РОССИИ.

«Финикійскіе люди» и карійцы на Черноморскомъ побережьи.—Вытѣсненіе ихъ греками и владычество послѣднихъ на всѣхъ понтійскихъ рынкахъ.—Благозвонное вліяніе грековъ на сосѣднія варварскія племена.—Бурные потоки варварскихъ ордъ, уничтожившихъ тысячекратное культурное вліяніе эллинизма.

*Дѣла давно минувшихъ дней
Преданья старины глубокой...*

А. С. ПУШКИНЪ.

Какъ бы ни были скудны, баснословны и сбивчивы свѣдѣнія о нашемъ отечествѣ, распространенныя въ древнемъ мірѣ, несомнѣнно однако то, что съ узкою полоскою Черноморскаго побережья, заключающеюся между устьями Истра (Дуная) и Фазиса (Ріона), культурные народы древности познакомились близко и непосредственно задолго до возникновенія въ этихъ мѣстахъ первыхъ греческихъ поселеній. Сюда на своихъ «чернобоковыхъ» корабляхъ заходили и «хитрые гости морей, финикійскіе люди», отважно пускавшіеся въ трудное и опасное по тому времени плаваніе по пустыннымъ и непривѣтливымъ понтійскимъ водамъ въ чаяніи богатой добычи. По ихъ слѣдамъ увлекаемые тѣмъ же духомъ предприимчивости и тою же жаждою наживы переплывали понть и смѣлые соперники ихъ карійцы, промышленявшіе, подобно средневѣковымъ норманнамъ, преимущественно береговымъ разбоемъ. Купцы и пираты изъ своихъ странствій по этому студеному морю вывозили золото, серебро, электръ и другіе металлы, шерсть и мѣха, рыбу, скотъ и рабовъ. Они же разносили по всему міру и фантастическую молву о суровыхъ обитателяхъ дальняго сѣвера и его диковинахъ,—о скалахъ, блуждающихъ у самаго выхода изъ Фракійскаго боспора, о льдахъ, сковывающихъ сѣверныя рѣки, о короткихъ сѣверныхъ ночахъ, объ одноглазыхъ аримаспахъ, о чудовищныхъ грифахъ, охраняющихъ золотые пріиски, о дикихъ андрофагахъ, о чудномъ племени оборотней-невровъ, о киммерійцахъ, живущихъ въ вѣчной непроглядной тьмѣ, о жалкихъ кочевникахъ — «млекоѣдахъ» и «донтеляхъ кобылицъ», скитающихся по степямъ въ своихъ подвижныхъ войлочныхъ шатрахъ, утвержденныхъ на колесахъ, и проч.

Разказы эти были не таковы, чтобы завлечь авантюристовъ въ заповѣдныя понтійскія воды. Что ожидало ихъ тамъ? Кому не суждено было погибнуть среди блуждающихъ скалъ,

тому угрожали противные вѣтры, густые туманы, сильныя теченія и частыя бури; отъ которыхъ опасно было искать спасенія и на берегу, такъ какъ прибрежныя жители не отличались привѣтливостью и гостепріимствомъ и безъ сожалѣнія умерщвляли несчастныхъ чужестранцевъ, попадавшихъ въ ихъ руки.

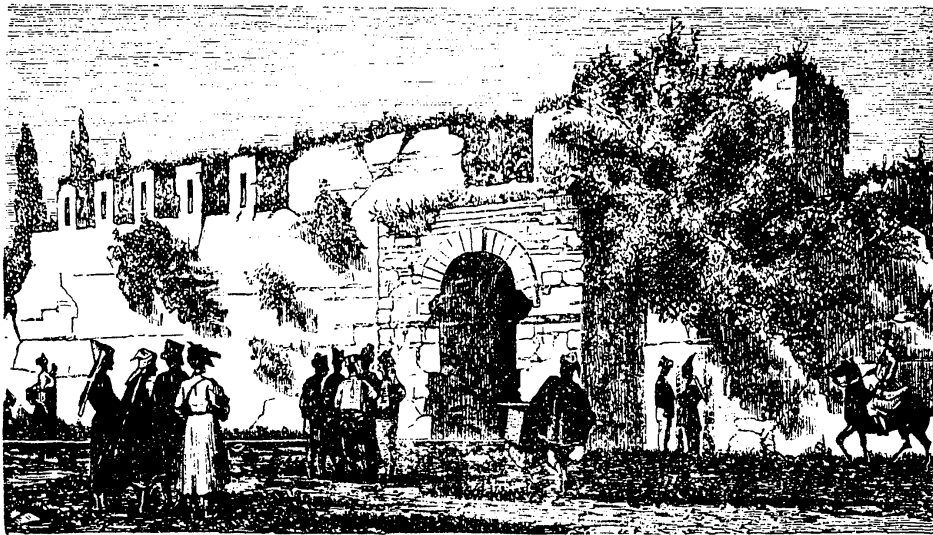
Никто не справлялся о томъ, что правда и что вымыселъ въ этихъ разсказахъ. Никто не задумывался надъ тѣмъ, что, быть можетъ, купцы намѣренно преувеличивали опасности и трудности сѣвернаго плаванія въ интересахъ сохраненія за собою монополіи торговыхъ сношеній съ богатыми понтійскими странами, что они дѣйствовали въ этомъ случаѣ точно такъ же, какъ нѣсколько столѣтій спустя дѣйствовали на западѣ кароагеняне, а еще позже—португальцы и голландцы, не менѣ ревниво оберегавшіе свои торговые пути. За понтомъ упрочивалась такимъ образомъ репутація «негостепріимнаго». О человѣкѣ, избѣгнувшемъ какой либо страшной опасности, сложилась поговорка: «онъ вышелъ изъ середины понта». И дѣйствительно на пріѣзжавшихъ съ юга уже одинъ видъ мрачной, изъ-синя сѣрой водной поверхности Чернаго моря, отражающей въ себѣ сумрачное, хмурое небо сѣвера, долженъ былъ производить гнетущее впечатлѣніе. Ни островка, ни паруса,—повсюду безбрежная пучина, за которою на необъятное протяженіе разстпались невѣдомыя страны съ грубыми и хищными обитателями...

Но время шло, и, по мѣрѣ развитія мореходства среди отдѣльныхъ вѣтвей греческой націи, «негостепріимный» (Аксинскій) понтъ становился «гостепріимнымъ» (Эвксинскимъ), а пустынные берега его начинали покрываться многочисленными коловіями.

Вытѣснивъ финикіянь и карійцевъ изъ бассейна Эгейскаго моря, греки завладѣли и всѣми понтійскими рынками. Основательно изучивъ этотъ край, коммерческое значеніе и естественныя богатства котораго ими были скоро оцѣнены, ознакомившись съ бытомъ, характеромъ и нуждами туземцевъ, высмотрѣвъ наиболѣе подходящія для поселеній мѣста, греческіе торговцы исподволь стали заводить въ различныхъ пунктахъ припонтійской береговой полосы свои конторы и товарные склады. Такія факторіи, быть можетъ, первоначально учреждались лишь на непродолжительные сроки, на время навигаціи, а зимою пустовали. Но постепенное расширеніе торговыхъ операцій современемъ неминуемо должно было потребовать превращенія временныхъ факторій въ постоянныя. Для надзора за магазинами, для завѣдыванія выгрузкою и продажою товаровъ нуженъ былъ штатъ довѣренныхъ лицъ или агентовъ. Такъ составлялось мало-по-малу ядро поселенія, разроставагося впоследствии, съ наплывомъ новыхъ пришельцевъ, нѣрѣдко въ цѣлый городъ. Факторія снабжалась необходимыми средствами защиты отъ вражескихъ нападеній, а кромѣ того въ огражденіе ея безопасности заключались и особыя договоры съ окрестными жителями. Послѣдніе, по всей вѣроятности, охотно предоставляли грекамъ часть своихъ земель подъ условіемъ уплаты ежегодной дани или одновременнаго взноса,—кочуя со своими стадами на обширныхъ степныхъ пространствахъ, они мало дорожили морскими берегами. И вотъ тамъ и сямъ, частью на мѣстахъ, уже заселенныхъ, частью на свободной землѣ возникали одна за другою купеческія колоніи, становившіяся въ этой варварской странѣ расадниками эллинской культуры и проводниками гуманныхъ началъ.

Особенно широкую колонизаторскую дѣятельность на берегахъ Эвксинскаго понта развили жители малоазійскаго города Милета. Древніе приписывали имъ основаніе восьмидесяти колоній. «Многочисленны дѣянія этого города», говоритъ Страбонъ, «но самое великое изъ нихъ—это множество его колоній: весь понтъ Эвксинскій, вся Пропонтида и многія другія страны были заселены его гражданами». Сами милетцы хорошо сознавали важность своихъ культурныхъ заслугъ и еще во второмъ стол. по Р. Х. съ гордостью упоминали о нихъ въ официальныхъ документахъ, называя свой городъ метрополіей многихъ большихъ городовъ на понтѣ, въ Египтѣ и иныхъ мѣстахъ земного шара. Возникновеніе большей части милетскихъ поселеній на черноморскомъ побережьѣ относится преимущественно къ VII и VI вв.

до Р. X., когда Милеть съ одной стороны стала цѣлью завоевательныхъ стремленій лидійскихъ царей, неоднократно подвергавшихъ его область жестокимъ опустошеніямъ, а съ другой—жертвою внутреннихъ раздоровъ, смуть и кровавой борьбы народныхъ партій. Эти политическія обстоятельства должны были служить однимъ изъ главныхъ двигателей эмиграціи: недовольные и обездоленные переворотомъ, тѣснимые и угнетаемые на родинѣ устремились въ чужіе края, за море, на сѣверъ, въ поиски за счастьемъ, въ погоню за легкой наживой. Новые выселенцы отчасти присоединялись къ прежнимъ, отчасти заводили отдѣльныя поселенія, мало-по-малу расширяя предѣлы греческаго культурнаго вліянія и вводя въ кругъ своихъ торговыхъ сношеній самые отдаленные уголки Черноморья. Это распространеніе сферы греческой колонизаціи по-прежнему совершалось мирнымъ путемъ. Для туземцевъ выгоды правильно организованной торговли съ греками были слишкомъ ощутительны, а миролюбивыя намѣренія колонистовъ слишкомъ несомнѣнны, чтобы постоянный приливъ греческихъ эмигрантовъ могъ въ нихъ возбуждать какія либо опасенія или встрѣтить съ ихъ стороны дружный и дѣятельный отпоръ. Они свыкались съ греками и незаметно подчинялись ассимилирующему дѣйствію эллинизма. А между тѣмъ угрюмая, полудикая страна постепенно принимала

Остатки древней крѣпости на Черноморскомъ берегу.

новый видъ. Болотистыя пространства осушались, по непроходимымъ дебрямъ пролагались дороги, при устьяхъ рѣкъ устраивались удобныя гавани, земля была раздѣлена на участки, и плугъ взрываетъ непочатую почву. Колоніальные города крѣпли и процвѣтали, а нѣкоторые изъ нихъ достигли столь значительнаго политическаго могущества, что наконецъ исчезъ и всякій слѣдъ формальной зависимости ихъ отъ окрестныхъ народовъ и они прекратили уплату условленной дани.

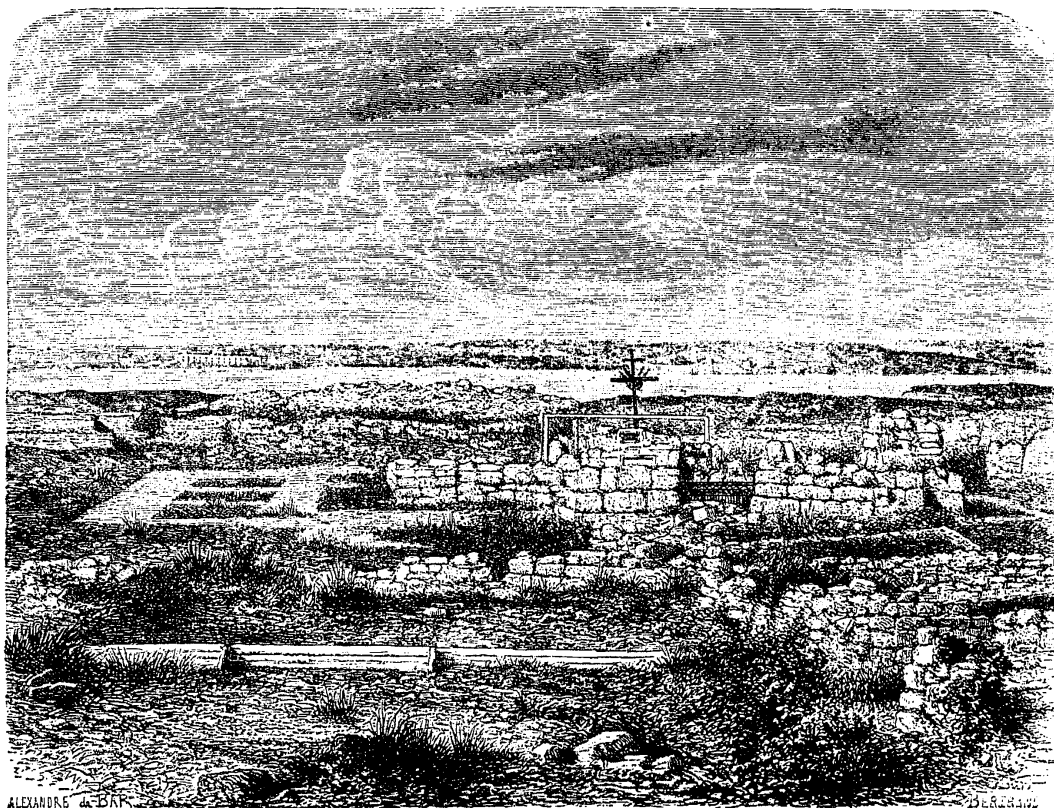
Важнѣйшими изъ колоній, основанныхъ милетскими выходцами въ припонтійскихъ странахъ, были Синопа и Трапезунтъ—на южномъ берегу Понта, Фазисъ (нынѣ Поті) и Диоскуриада (нынѣ Сухумъ-Кале)—на восточномъ, Пантикапея (нынѣ Керчь), Нимфея, Теодосія, Ольвія (при устьѣ Гипаниса или Буга) и Тира (при рѣкѣ того же названія, нынѣ Днѣстра)—на сѣверномъ, Аполлонія, Одессъ, Томи и Истръ—на западномъ. Нѣкоторыя изъ этихъ поселеній въ свою очередь сдѣлались исходными пунктами обширной колонизаціи,—напр., Пантикапея, ставшая, по словамъ Амміана Марцеллина, «матерью всѣхъ милетскихъ городовъ на Боспорѣ». Въ числѣ ея выселковъ наиболѣе видное мѣсто занимала Танаида, самая сѣверная греческая колонія въ скифской землѣ, находившаяся у устьевъ рѣки того же имени (нынѣ Дона).

Кромѣ Милета въ заселеніи понтійскихъ береговъ принимали дѣятельное участіе и другіе греческіе города. Такъ мегаряне, овладѣвшіе еще въ началѣ VII стол. до Р. Х. двумя выгоднѣйшими позиціями при входѣ изъ Пропонтиды въ боспоръ Оракійскій, — Халкидономъ и Византіей, — основали на южномъ побережѣ понта Гераклею, одинъ изъ самыхъ богатыхъ и могущественныхъ городовъ въ этомъ краю, а выходцы изъ Гераклеи положили начало городамъ Амастріи, Каллатіи и Херсонесу Таврическому (близъ теперешняго Севастополя). Впослѣдствіи Херсонесъ также сдѣлался метрополіею Неаполя, мѣстонахожденіе котораго приурочивается къ южному предмѣстью нынѣшняго Симферополя. На азіатскомъ берегу боспора Киммерійскаго, на полуостровѣ Таманскомъ, насупротивъ Пантикапея, лежала Фанагорія, основанная теоспами. Неподалеку отъ нея была расположена Гермонасса, колонія митиленцевъ.

Многочисленные слѣды этихъ греческихъ поселеній, нѣкогда окаймлявшихъ почти сплошною гирляндю Черное море, сохранились до нашихъ дней и въ названіяхъ различныхъ мѣстностей, и въ развалинахъ древнихъ сооружений: городскихъ стѣнъ, укрѣпленій, храмовъ и жилыхъ зданій, а въ особенности въ курганахъ и катакомбахъ, въ нумизматическихъ и эпиграфическихъ памятникахъ, въ разсѣянныхъ тамъ и сямъ, по большимъ музеямъ и частнымъ собраніямъ, разнородныхъ предметахъ искусства, — мраморныхъ статуяхъ и рельефныхъ саркофагахъ, издѣліяхъ изъ золота, серебра и бронзы, глиняныхъ и стеклянныхъ сосудахъ художественной отдѣлки, терракоттахъ, лампочкахъ и т. п., извлеченныхъ изъ вѣдръ земли въ различныхъ пунктахъ припонтійской береговой полосы. Находки такого рода не прекращаются и до сихъ поръ, и все побуждаетъ думать, что археологическая почва нашего юга еще далеко не исчерпана и отнюдь не истощена.

Къ сожалѣнію однако много времени прошло прежде, чѣмъ научное значеніе этихъ случайныхъ остатковъ древности было понято и оцѣнено надлежащимъ образомъ. Немало сокровищъ наука навсегда безвозвратно утратила въ тѣ мрачныя времена невѣжества, насилія и дикаго варварства, когда въ предѣлахъ южной Россіи, — тамъ, гдѣ когда то ютился цвѣтущій уголокъ классическаго міра и кипѣла культурная дѣятельность, — послѣдовательно хозяйничали то гунны, болгары и угры, то византійцы, то хазары, то итальянцы, то татары и турки. За пожарами и опустошеніями, произведенными нашествіемъ степняковъ, послѣдовало систематическое разграбленіе уцѣлѣвшихъ руинъ, изъ которыхъ новыя поселенцы, пришедшіе сюда на смѣну прежнимъ, стали добывать матеріалъ для своихъ построекъ. При генуэзцахъ, утвердившихся въ нашей Тавридѣ въ XIII, XIV и XV вв., начались повидимому хищническія разрытія крымскихъ кургановъ, сохранившихъ доселѣ явные слѣды давнишнихъ раскопокъ, и легко себѣ представить, сколько замѣчательныхъ находокъ могло быть тогда сдѣлано и сколько драгоценныхъ предметовъ археологическаго интереса безслѣдно погибло, попавъ въ руки невѣжественныхъ кладискателей. Генуэзскіе купцы въ курганахъ искали главнымъ образомъ золота и, по всей вѣроятности, перечеканивали въ свою монету большую часть золотыхъ и серебряныхъ вещей, находимыхъ ими на обширной территоріи Боспорскаго царства, въ окрестностяхъ Керчи (итал. Сегсіо) и Феодосіи (Кафы). Дѣло расхищенія и варварскаго уничтоженія остатковъ древности продолжалось и тогда, когда генуэзское владычество смѣнилось турецкимъ, и только по занятіи Крыма русскими, при императрицѣ Екатеринѣ II открылось свободное поприще для археологическаго изученія края. Но и русское правительство первоначально никому не возбраняло раскапывать курганы, и всякій, кого прельщала молва о ихъ богатствахъ, безпрепятственно могъ на свой счетъ и страхъ разрывать ихъ, гдѣ и какъ хотѣлъ. Правда, разрытіе этихъ обширныхъ могильныхъ насыпей было сопряжено съ немалыми трудностями и издержками, а находки зачастую обманывали ожиданія кладискателей, и потому естественно немного находилось охотниковъ тратить время и рисковать деньгами въ сомнительномъ расчетѣ на случайное обогащеніе. О научномъ значеніи раскопокъ пока еще почти никто не думалъ, и даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда этимъ дѣломъ завѣдывали прави-

тельственныя лица, оно велось неумѣло, беспорядочно и небрежно. Такъ, напр., въ концѣ прошлаго столѣтія при раскопкахъ, производившихся генераломъ Вандервейде на Таманскомъ полуостровѣ, въ области древней Фанагоріи, солдаты, найдя въ одномъ изъ разрытыхъ кургановъ богатѣйшій кладъ, расхитили всѣ наиболѣе цѣнныя вещи, оставивъ генералу лишь одинъ массивный золотой браслетъ съ двумя рубинами, а оказавшіяся при этомъ глиняныя вазы, какъ предметы, не имѣвшіе въ ихъ глазахъ никакой цѣны, перебили. Фактъ этотъ, случайно засвидѣтельствованный однимъ англійскимъ путешественникомъ, посѣдившимъ въ то время Россію, безъ сомнѣнія не былъ единственнымъ. II. Сумароковъ, объѣхавшій Крымъ и Бессарабію въ 1799 г., видѣлъ и описалъ валявшіеся въ полномъ пренебреженіи въ разныхъ мѣстахъ античныя памятники. Множество мелкихъ древностей, встрѣчающихся и по сію пору въ довольно значительномъ количествѣ на поверхности земли по «кучугурамъ» (такъ называются наносы,

Остатки Херсонеса таврическаго.

образуемые вдоль берега Днѣпра сыпучими песками) и на рѣчныхъ промонахъ близъ мѣсть, занятыхъ нѣкогда греческими поселеніями, попадало въ руки невѣжественныхъ людей и исчезало безслѣдно и бесплодно. Муравьевъ-Апостолъ, путешествовавшій по Тавридѣ въ 1820 г., рассказываетъ, что въ селѣ Парутинѣ, возникшемъ на мѣстѣ древней Ольвіи, деревенскіе мальчики входили по поясъ въ рѣку Бугъ, доставали со дна песокъ, промывали его въ рѣшетахъ и такимъ образомъ добывали древнія монеты цѣлыми пригоршнями. Какова была дальнѣйшая судьба этихъ монетъ, неизвѣстно, но можно думать, что врядъ ли и сотая доля добытыхъ парутинскими мальчиками сокровищъ поступила въ тѣ муницъ-кабинеты, о существованіи которыхъ въ Россіи мы узнаемъ отъ академика Кёлера, пользовавшагося ими при составленіи своего описанія монетъ европейской Сармаціи и Херсонеса Таврическаго. Не менѣе печальна была участь и монументальныхъ памятниковъ древности. По свидѣтельству Палласа, при постройкѣ домовъ въ Севастополѣ, брали камни изъ развалинъ древняго Херсонеса, и тамъ, гдѣ

Палласть еще видѣлъ остатки укрѣпленій на небольшомъ островѣ, у конечности Тройной бухты, спустя четверть вѣка Муравьевъ-Апостолъ не нашелъ ничего, кромѣ безформенной груды мусора. Генуэзскія стѣны съ башнями и глубокимъ ровомъ, окаймлявшія нѣкогда Θεодосію, въ 1800 г. были разобраны по приказанію градоначальника Фенша для постройки казармъ, а ровъ при немъ и при его преемникахъ засыпанъ, такъ что до нашихъ дней уцѣлѣли только три башни, случайно пощаженные строителями. Знаменитѣйшее въ лѣтописяхъ южно-русской археологіи открытіе гробницы въ курганѣ Куль-Оба было результатомъ начавшейся въ этомъ курганѣ ломки камня для казенныхъ построекъ. Мраморныя плиты съ надписями разбивались, пережигались на известь или закладывались въ фундаменты новыхъ зданій.

Между тѣмъ мало-по-малу пробуждался въ русскомъ обществѣ интересъ къ исторіи и древностямъ южнаго края. Правда, починъ въ дѣлѣ серьезнаго археологическаго изученія этого края принадлежалъ иностранцамъ,—тѣмъ самымъ иностранцамъ, которыхъ императрица Екатерина II, преслѣдуя цѣли не только экономическія, но и просвѣтительныя, приглашала приходить въ Россію и селиться на безлѣсныхъ равнинахъ нашего юга, обѣщая всевозможныя льготы и пособія. Такъ уже въ 1806 г., по мысли маркиза П. П. Траверсе, возникло при черноморской штурманской ротѣ въ г. Николаевѣ, первое въ Новороссіи собраніе древностей. Пять лѣтъ спустя въ Θεодосіи положено было основаніе старѣйшему крымскому музею, для котораго отведено было помѣщеніе въ небольшой оставленной турками каменной мечети. Около того же времени прибылъ изъ Петербурга въ Керчь Павелъ Дюбрюксъ, французскій выходецъ, состоявшій на русской службѣ, и первый сталъ съ ученою цѣлью раскапывать керченскіе курганы. Воодушевляемый страстною любовью къ археологическимъ изысканіямъ, Дюбрюксъ велъ эти раскопки сначала на собственные средства при небольшомъ лишь пособіи отъ военнаго губернатора, графа Ланжерона, а впоследствии, когда эти средства истощились, на суммы, предоставленныя въ его распоряженіе государственнымъ канцлеромъ гр. Н. П. Румянцовымъ. Сверхъ того онъ съ неутомимою энергіею производилъ топографическія изслѣдованія, снималъ планы мѣстностей, рисовалъ карты, описывалъ развалины и подготовлялъ къ печати подробныя сообщенія о своихъ открытіяхъ. Въ 1825 году возникъ музей въ Одессѣ, въ 1828 г.—второй крымскій музей въ Керчи. Съ этихъ поръ дальнѣйшія разрытія кургановъ стали производиться подъ надзоромъ назначеннаго въ директоры обоихъ музеевъ археолога И. П. Бларамберга, и большая часть вновь находимыхъ вещей уже не разсѣивалась, какъ бывало прежде, по рукамъ частныхъ лицъ, а поступала на храненіе въ одинъ изъ нихъ.

Открытіе древностей Куль-Обскаго кургана въ 1830 г. окончательно упрочило эти первые успѣхи русской археологіи. Найденныя здѣсь драгоценности были отправлены тогдашнимъ керченскимъ градоначальникомъ И. А. Стемпковскимъ въ С.-Петербургъ и сданы въ Императорскій Эрмитажъ. Онѣ не замедлили обратить на себя особенное вниманіе Государя, и министерствомъ Императорскаго Двора была ассигнована весьма значительная сумма для ежегодной выдачи на производство систематическихъ раскопокъ на югѣ Россіи, самое же веденіе работъ поручено Карейшѣ, чиновнику вѣдомства кабинета Его Величества, и Ашику, унаслѣдовавшему послѣ смерти Бларамберга завѣдываніе керченскимъ музеемъ. Оба они ревностно принялись за дѣло, и ими скоро были разрыты и разслѣдованы важнѣйшіе курганы въ окрестностяхъ Керчи и на полуостровѣ Таманскомъ. Впоследствии же районъ раскопокъ значительно расширился, и къ участию въ нихъ были привлечены и многія другія лица, какъ-то гр. Уваровъ, кн. Сибирскій, проф. П. Леонтьевъ, А. Люценко, художникъ Айвазовскій и проч.

Добытый такимъ образомъ богатѣйшій матеріалъ пролилъ яркій свѣтъ на исторію народовъ, жившихъ нѣкогда въ русскихъ предѣлахъ Черноморья, и неудивительно, если онъ вызвалъ нѣкоторое движеніе и въ нашей ученой литературѣ. Въ этой области первое мѣсто безспорно принадлежало трудамъ академика Кёлера, представившаго въ своихъ многочисленныхъ статьяхъ по нумизматикѣ и исторіи классическаго искусства образцы строго-научнаго, крити-

ческаго пользованія данными вещественныхъ памятниковъ для рѣшенія различныхъ темныхъ вопросовъ древней географіи и этнографіи понтийскихъ береговъ. Немалыя услуги русской археологіи оказали также Бларамбергъ, Стемпковский, Ашикъ, гр. Уваровъ, Б. В. Кёне, Г. Спасскій и др., которые, хорошо ознакомившись съ уцѣлѣвшими на землѣ и подъ землею памятниками эллиновъ-колонистовъ нашего юга, занимались преимущественно ихъ описаніемъ и истолкованіемъ.

Рука объ руку съ этими археологическими изслѣдованіями шло и болѣе общее изученіе южнаго края. Приведеніе его въ благоустроенный видъ, начавшееся уже при Екатеринѣ В., сдѣлало его приманкою для русскихъ и иностранныхъ путешественниковъ, и многіе изъ нихъ ѣхали въ Крымъ или Бессарабію не въ качествѣ праздныхъ туристовъ, но съ серьезными научными цѣлями. Таковы были напр. Палласъ, Ваксель, Клеркъ, Муравьевъ-Апостолъ, Кёппенъ и Дюбуа-де-Монперё, оставившіе потомству весьма поучительныя записки.

Въ 1854 г. Крымъ сдѣлался театромъ опустошительной войны, не только прервавшей мирное теченіе археологическихъ занятій, но не пощадившей и самыхъ памятниковъ древности. Керчь досталась въ руки непріятелей и подверглась совершенному разрушенію. Керченскій музей со всѣми хранившимися въ немъ предметами сталъ жертвою дикаго вандализма союзной арміи. Двери его были выломаны, мраморныя статуи и плиты съ греческими надписями и скульптурными украшеніями разбиты, стеклянные сосуды и росписныя глянцныя вазы превращены въ груды осколковъ. Къ счастью, значительную часть драгоценностей успѣли заблаговременно вывезти и скрыть въ безопасномъ мѣстѣ внутри Россіи. Но на ту высоту, на какой музей стоялъ до погрома, ему уже не суждено было подняться: онъ превратился во временное депо вновь находимыхъ вещей, въ хранилище дублетовъ и всего того, что было слишкомъ малозначительно, громоздко и неудобно для перевозки. Средоточіемъ же всѣхъ наиболѣе важныхъ археологическихъ находокъ сталъ Императорскій Эрмитажъ, въ которомъ и были основаны спеціальныя отдѣленія древностей боспора Киммерійскаго и скиво-сарматскихъ. Въ 1859 г., съ образованіемъ при министерствѣ Двора особой Императорской Археологической комиссіи, на которую возложена была обязанность направлять ходъ археологическихъ разысканій и слѣдить за всѣми дѣлающимися въ государствѣ открытіями предметовъ древности, дѣло археологическаго изученія нашего юга получило новую постановку и организацію. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно нашло могущественную поддержку въ учрежденіи нѣсколькихъ ученыхъ обществъ, посвятившихъ себя разработкѣ вопросовъ исторіи и археологіи и развившихъ необыкновенно широкую и плодотворную дѣятельность. Таковы въ особенности одесское общество Исторіи и Древностей, основанное въ 1839 г., Русское Археологическое общество въ С.-Петербургѣ, существующее съ 1846 г., Московское Археологическое Общество, Таврическая ученая архивная комиссія и др. При каждомъ изъ нихъ составились собственныя коллекціи, разросшіяся впослѣдствіи въ цѣлыя музеи, и возникли періодически издаваемые въ свѣтъ сборники историко-археологическихъ изслѣдованій и матеріаловъ, которые вмѣстѣ съ годовыми отчетами Императорской Археологической комиссіи заключаютъ въ себѣ полный сводъ всего, что до сихъ поръ сдѣлано въ Россіи на поприщѣ изученія вещественныхъ памятниковъ эллино-скивскаго міра. Вѣнцомъ же многолѣтнихъ успѣй русской науки разобратся въ этихъ памятникахъ явился монументальный трудъ академика В. В. Латышева, собравшаго и систематически

Общій видъ Куль-Обской золотой вазы.

расположившаго въ двухъ большихъ томахъ всѣ дошедшія до насъ древне-греческія надписи сѣверныхъ береговъ Понта.

Въ результатѣ всѣхъ этихъ работъ теперь оказывается возможнымъ не только съ точностью приурочить древнія географическія названія къ опредѣленнымъ пунктамъ черноморской береговой полосы, но и возсоздать въ общихъ чертахъ исторію взаимныхъ отношеній между различными этнографическими элементами, составлявшими древнѣйшее населеніе этого края, судьбы отдѣльныхъ греческихъ городовъ, здѣсь существовавшихъ, ихъ внутреннюю организацію, основы ихъ быта, особенности ихъ духовной культуры и проч. Не задаваясь однако столь широкими цѣлями, остановимъ свое вниманіе лишь на важнѣйшихъ колоніяхъ сѣвернаго берега Понта, каковы Ольвія, Херсонесъ таврической и Пантिकाпея, бывшая долгое время средоточіемъ могущественнаго Боспорскаго царства: это тѣ мѣста, которыя до сихъ поръ доставили наиболѣе обильную археологическую жатву и относительно которыхъ наши свѣдѣнія отличаются наибольшою полнотою и обстоятельностью.

Ольвія, основанная приблизительно вѣковъ за шесть до Р. Х. выходцами изъ іонійскаго города Милета, лежала на правомъ берегу Буга, у самой рѣки, неподалеку отъ нынѣшняго большого села Ильинскаго или Парутина, на землѣ, принадлежавшей теперь графинѣ Мусиной-Пушкиной. Уже въ первые годы послѣ присоединенія къ Россіи Очакова и прилегавшей къ нему области, въ районѣ которой находилось Парутино, мѣстность эта, покрытая множествомъ

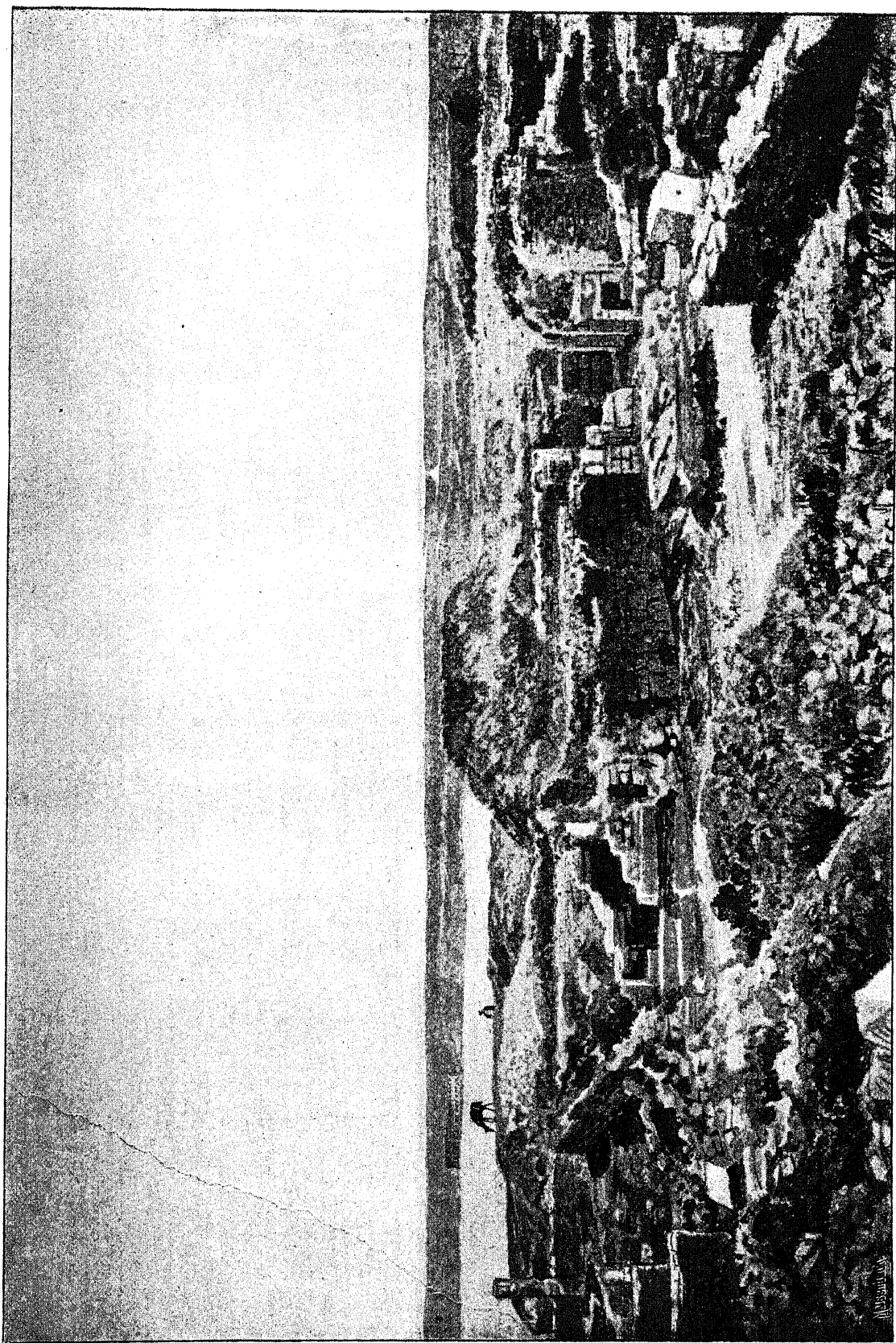

Сцены изъ жизни скифовъ (съ Куль-Обокой вазы).

кургановъ, носила знаменательное названіе «Ста могилъ» и заставляла путешественниковъ предполагать именно здѣсь мѣстонахожденіе славнаго «города борисоенитовъ» (такъ называютъ жителей Ольвіи древніе авторы). Въ самомъ началѣ нынѣшняго вѣка предположеніе это блистательно оправдалось раскопками инженеръ-генерала Сухтелена, нашедшаго въ ольвійскихъ развалинахъ массу монетъ съ яснымъ обозначеніемъ принадлежности ихъ ольвіополитамъ.

Когда Геродотъ посѣтилъ Ольвію, то это былъ уже весьма значительный, богатый и благоустроенный городъ. Онъ былъ вокругъ обведенъ крѣпкими стѣнами и защищенъ высокими круглыми и угольными башнями, слѣды которыхъ отчетливо видѣлъ академикъ Кеппенъ, снимавшій планъ съ развалинъ въ 1819 г. Въ стѣнахъ были ворота, снабженныя надежными запорами. Внутри города не было недостатка въ пышныхъ зданіяхъ, украшенныхъ мраморными изваяніями работы какъ мѣстныхъ, такъ и пришлыхъ мастеровъ. Въ числѣ этихъ зданій видное мѣсто занимали храмы Аполлона Простата, наиболѣе почитаемаго ольвіополитами божества, Зевса, Ахилла и проч. Кроме того въ надписяхъ упоминаются хлѣбный магазинъ, служившій повидимому для ссыпки хлѣба, заготовленнаго правительствомъ на случай неурожая или военнаго времени, портикъ, въ которомъ купцы выставляли свои товары, а впоследствии также «гимнасій» и театр.

Возникнувъ, быть можетъ, изъ небольшой купеческой факторіи, Ольвія была городомъ

Развалины Херсонеса Таврического.

А. С. Савицкий

